View the original article

ТЕМЫ ДНЯ

Китай в Центральной Азии: учится ли Пекин играть по местным правилам или искуснее продвигает свои интересы?

Азаттык Азия

16 ноября 2026, 08:50

Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев (слева) приветствует прибывшего с визитом председателя КНР Си Цзиньпина в аэропорту. Астана, 16 июня 2025 года

Китай приходит в Центральную Азию с деньгами и технологиями — и его растущее присутствие нередко описывают как экспансию. Однако исследователи китайской политики полагают, что условия на местах нередко вынуждают Пекин играть по местным правилам и адаптировать свои подходы, в том числе действовать за кулисами.

За последние два десятилетия Китай заметно укрепил свои позиции в центральноазиатском регионе. Его компании строят дороги и промышленные предприятия, добывают полезные ископаемые, участвуют в энергетических проектах. Пекин расширяет торговые связи, укрепляет отношения с правительствами региона и все активнее сотрудничает с ними в сфере безопасности.

Поворотным моментом в этом процессе стал 2013 год: выступая тогда в Астане, глава Китая Си Цзиньпин предложил создать Экономический пояс Шелкового пути — сухопутную часть масштабной инициативы «Один пояс — один путь», призванной связать Китай с Европой через Центральную Азию. С тех пор регион стал одним из важных направлений экономической и внешней политики Пекина, а китайское присутствие распространилось далеко за пределы торговли и инвестиций.

Эти отношения характеризуют как экспансионистские, в которых странам Центральной Азии приходится приспосабливаться к растущему влиянию могущественного соседа. Но у процесса, по мнению исследователей Фонда Карнеги за международный мир, есть другая сторона. С их точки зрения, местные условия — законы, решения властей, интересы бизнеса и общественные настроения — заставляют китайские компании и государственные структуры менять привычные подходы. В рамках исследовательской инициативы China Local/Global Фонда Карнеги ученые изучают, как политические, экономические и общественные условия влияют на деятельность китайских компаний и государственных структур.

О том, насколько Центральная Азия способна менять подходы Пекина и где проходит граница между адаптацией к региону и продвижением собственных интересов Китая, Азаттык Азия поговорил с Темуром Умаровым, научным сотрудником Берлинского центра Карнеги по изучению России и Евразии, и Яньляном Панем, исследователем вопросов китайско-центральноазиатского взаимодействия и экспертом Центра Джеймса Мартина, автором исследования Карнеги о сотрудничестве Китая и Казахстана в урановой отрасли.

Китайским компаниям приходится учитывать местные правила?

По словам Темура Умарова, исследовательский проект China Local/Global задумывался в том числе для изучения менее заметной стороны китайской активности.

«В мире преобладает мнение о том, что Китай приходит в разные регионы и диктует свои правила. Возможно, такие примеры действительно есть. Но

Темур Умаров

огромный пласт китайских акторов и их активности, в котором Китай, напротив, адаптируется к местным правилам игры и становится гибким партнером для стран, где присутствует, часто остается без внимания исследователей. Именно такие примеры мы и заинтересовались изучать», — объясняет Умаров.

По его словам, коллеги анализировали процессы в разных регионах мира, а его задачей было посмотреть, как они проявляются в Центральной Азии.

«Мы увидели, что китайские акторы в Центральной Азии отходят от прежней модели экономической напористости и все чаще играют по местным правилам», — говорит исследователь.

Один из примеров — горнодобывающий сектор Кыргызстана. По его словам, исследователи Асель Доолоткельдиева и Тилль Мостовлянский изучили, как китайские компании работают в условиях сложного регулирования, непредсказуемых решений государственных органов и необходимости договариваться с местными партнерами.

В их исследовании приводится кейс компании, занимавшейся добычей глины. В 2020 году она лишилась лицензии из-за несвоевременной уплаты сбора. Не сумев урегулировать спор с государственным органом, компания обратилась в административный суд. Авторы исследования отмечают, что при решении подобных проблем китайские инвесторы могут сочетать юридические действия с неформальными переговорами.

Умаров обращает внимание именно на то, как компании вынуждены вести себя в такой ситуации.

«Когда они сталкиваются с проблемами, им приходится решать, как взаимодействовать с кыргызстанской бюрократией: обращаться ли в суд или договариваться неформально. То есть действовать не так, как если бы они диктовали свои правила, а скорее так, как действовали бы местные игроки в самом Кыргызстане», — говорит он.

Похожую подстройку под местные условия исследователь отмечает и в сфере возобновляемой энергетики. Исследователь Юнис Шарифли, изучавший

китайские компании в Казахстане и Узбекистане, показал, что единой модели выхода на рынки этих стран нет.

«Исследование Юниса Шарифли показало интересные различия даже внутри Центральной Азии. То, как китайские компании выходят на рынки Узбекистана и Казахстана, отличается: в одном случае они участвуют в тендерах, в другом — договариваются иными способами и встраиваются в проекты. Где-то создают консорциумы с другими международными компаниями, а где-то одновременно выступают кредитором, подрядчиком и строителем, например, ветроэнергетических объектов в Казахстане», — рассказывает Умаров.

По его словам, адаптация проявляется не только в способах ведения бизнеса, но и в том, какие направления сотрудничества Китай развивает в каждой из стран.

«У каждой страны есть уникальные преимущества, которые выглядят привлекательными для Китая. Поэтому присутствие китайских акторов в Таджикистане отличается от их присутствия в Узбекистане: это зависит от того, что представляет собой экономика каждой из этих стран и что китайские компании могут там получить», — объясняет исследователь.

Когда подстраиваются местные власти

Таджикистан тесно связан с Китаем экономически: китайские кредиты и инвестиции, инфраструктурные и промышленные проекты давно стали заметной частью двустороннего сотрудничества. Но география страны придает этим отношениям особый характер. Близость к провинции Синьцзян и соседство с нестабильным Афганистаном делают вопросы безопасности особенно значимыми как для Душанбе, так и для Пекина.

Экономическое взаимодействие дополняется сотрудничеством с силовыми структурами: Китай помогает оснащать их, участвует в подготовке кадров и поддерживает создание приграничной инфраструктуры.

Китайский (справа) и таджикский солдаты соревнуются в армрестлинге во время патрулирования недалеко от города Кашгар в Синьцзян-Уйгурском автономном районе на северо-западе Китая, 18 мая 2019 года

Исследователи Эдвард Лемон и Руслан Норов в статье о сотрудничестве двух стран в сфере безопасности приводят показательный пример: в 2021 году министерство внутренних дел Таджикистана обратилось к китайским партнерам с просьбой профинансировать строительство еще одного объекта в Ваханском коридоре у границы с Афганистаном. То есть инициатива исходит не всегда от Пекина: таджикские власти сами были заинтересованы в дополнительной поддержке для охраны границы.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

Таджикистан одобрил строительство китайской базы на его территории

Умаров объясняет различия между подходом Китая к странам региона их географией.

«В странах, граничащих с Китаем, стратегия сильнее переплетена с вопросами безопасности, в частности, с предотвращением того, что Пекин называет "тремя угрозами": сепаратизмом, экстремизмом и терроризмом. Отдельно можно выделить Таджикистан как уникального партнера Китая в сфере безопасности.

Там мы видим, что Китаю удается делать то, чего невозможно представить в других странах, например, открывать базы Народной вооруженной полиции Китая», — говорит исследователь.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:
Мёртвая рыба и грязный воздух: как китайские компании добывают золото в Таджикистане

В других странах сотрудничество в сфере безопасности тоже развивается, но, по словам Умарова, оно устроено иначе. На первый план там могут выходить иные интересы Пекина.

Другой пример того, как местные институты создают условия для китайского бизнеса — история с передачей сельскохозяйственных земель в Узбекистане. В расследовании Узбекской редакции РСЕ/РС (Радио Озодлик) сообщалось, что в Андижанской области 2200 гектаров хлопковых земель, принадлежавших обанкротившемуся кластерному предприятию, передали китайской компании Tian Ye Plastik. Еще 1800 гектаров, по данным расследования, изъяли у фермеров и также передали китайскому бизнесу.

Фермеры утверждали, что сотрудники местных органов власти и силовых структур вынуждали их писать заявления о добровольной передаче земли. По их словам, отказ сопровождался угрозами. Администрация Андижанской области не ответила на обращения редакции с просьбой прокомментировать эти обвинения.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:
«Мягкая сила» и госдолг. Узбекистан отбирает земли у фермеров и передаёт их китайским компаниям

Еще один показательный случай произошел в Казахстане. В ноябре 2025 года 19 активистов объединения «Атажұрт», участники которого собирают свидетельства о преследовании этнических казахов и представителей других тюркских народов в китайском Синьцзяне, провели акцию на границе с Китаем. Они требовали освободить гражданина Казахстана Алимнура Турганбая, задержанного китайскими властями. Во время протеста участники сожгли флаги Китая и портрет

Си Цзиньпина. Их привлекли к административной ответственности. Но вскоре они оказались в орбите уголовного преследования — это произошло после того, как китайское консульство направило казахстанскому министерству иностранных дел дипломатическую ноту с призывом принять меры в связи с акцией.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:
«Неадекватная и политически мотивированная реакция». Правозащитник — о финале по делу «Атажұрта»

Как выяснили журналисты РСЕ/РС, китайская нота упоминалась в материалах уголовного дела. 13 апреля 2026 года суд в Талдыкоргане признал всех 19 обвиняемых виновными в «разжигании национальной розни». 11 человек получили пятилетние сроки лишения свободы, остальные — наказания, не связанные с заключением. Активисты и их адвокаты заявили, что участники акции не разжигали рознь, а критиковали политику Китая.

Антикитайская акция протеста в селе Калжат Уйгурского района Алматинской области, недалеко от китайской границы. 13 ноября 2025 года

Умаров считает, что эта история показывает не только способность Китая влиять на повестку в стране-партнере, но и изменение способов, которыми Пекин добивается своих целей.

«Адаптация к Центральной Азии, гибкость и отказ от диктата собственных правил не означают демократизацию китайского присутствия в регионе. Это не значит, что Китай перестает действовать в рамках своих интересов или забывает о выгодах, которые получает от присутствия в Центральной Азии», — подчеркивает исследователь.

По его оценке, в истории с «Атажұртом» Китай добивался своих целей не напрямую, а через казахстанские государственные структуры.

«В этом случае Китай не действует своими руками, а через каналы связи добивается собственных целей, в том числе в сфере безопасности и защиты своего присутствия в Казахстане. Это тоже можно назвать адаптацией: Пекин перекладывает издержки на местные власти и не берет на себя ответственность за этот эпизод», — говорит Умаров.

Умаров обращает внимание и на изменение стиля китайской дипломатии в регионе. Если во второй половине 2010-х китайские послы охотно давали интервью, публично комментировали происходящее и порой выступали с резкими заявлениями, то теперь такая активность заметно сократилась.

«По проблемным вопросам Китай предпочитает действовать тихо, не привлекая особого внимания», — отмечает исследователь.

Меняются инструменты, но меняются ли цели?

Трансформации подвержен не только дипломатический стиль Пекина, но и его экономические инструменты.

«Китай отказывается от крупных непрозрачных кредитов, которые вызывали у местных стран опасения по поводу долговой ловушки, и переходит к более мелким займам, выдаваемым предприятиям, причем не обязательно связанным с сырьевым сектором. Меняются и инфраструктурные проекты: они теперь могут идти в связке с развитием человеческого капитала. А добыча полезных ископаемых — с зелеными технологиями и возобновляемыми источниками энергии», — говорит Умаров.

О том, что китайское присутствие в регионе постепенно выходит за рамки традиционных сырьевых проектов и кредитования, говорит и бывший премьер-министр Кыргызстана Джоомарт Оторбаев. По его данным, к середине 2025 года накопленный объем прямых китайских инвестиций в Центральную Азию достиг 56 миллиардов долларов — почти вдвое больше, чем десять лет назад.

Экс-премьер Кыргызстана Джоомарт Оторбаев. Архивное фото

Меняется и структура этих вложений. Оторбаев подчеркивает: если десятилетие назад около 68 процентов китайских инвестиций приходилось на сырьевые отрасли, то теперь их доля сократилась до 54 процентов. На обрабатывающую промышленность приходится 22 процента, на энергетику, включая возобновляемые источники, — 12 процентов.

«Взаимодействие Китая и Центральной Азии теперь уже не сводится к заимствованиям. Происходит структурный сдвиг в сторону прямых иностранных инвестиций, локализации производства и гораздо более дисциплинированного подхода к государственным заимствованиям», — отмечает Оторбаев.

Однако увеличение вложений в промышленность еще не означает, что страны региона автоматически получают новые технологии, квалифицированные рабочие места и собственное производство. Многое зависит от условий реализации проектов, обязательств инвесторов и того, насколько последовательно власти добиваются их выполнения.

Еще один аспект, на который обращает внимание Оторбаев, — конкуренция самих стран Центральной Азии за китайский капитал. Казахстан, по его словам, пока остается крупнейшим получателем китайских инвестиций, но Узбекистан все активнее привлекает инвесторов. «Да, мы очень жестко конкурируем друг с другом, стараясь стать лучше», — считает бывший премьер-министр Кыргызстана. Рост вложений в Узбекистан он называет сигналом для Казахстана о необходимости улучшать условия для бизнеса.

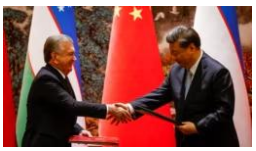
Но свидетельствует ли изменение структуры инвестиций и способов финансирования о том, что сам Китай пересматривает свою стратегию в Центральной Азии? Яньлян Пань, автор исследования Карнеги о том, как Китай получил доступ к ядерному топливу Казахстана, предлагает осторожнее говорить о едином китайском подходе. По его мнению, готовность учитывать местные условия не обязательно означает, что Пекин меняет свою политику: многое зависит от того, какие именно китайские участники приходят в страну и с какими интересами.

«Довольно сложно делать обобщения о „Китае в целом“, о „китайском подходе“ или о „китайской модели“. В действительности разные китайские игроки руководствуются разными интересами, имеют свои устоявшиеся методы работы и сталкиваются с разными ограничениями. Поэтому различаются и их готовность, и

Яньлян Пань, автор исследования Карнеги о том, как Китай получил доступ к ядерному топливу Казахстана

способность адаптироваться к местным условиям. Так было всегда», — говорит Яньлян Пань.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

«Лидер по объёмам и темпам». Как Узбекистан стал точкой притяжения китайских инвестиций

При этом возможности стран Центральной Азии влиять на китайских партнеров, по его словам, существуют, но зависят от конкретной сферы сотрудничества. Там, где у местной стороны есть ресурс, особенно востребованный Пекином, и возможность контролировать доступ к нему, переговорные позиции могут быть значительно сильнее.

В качестве примера исследователь приводит урановую отрасль Казахстана. Страна располагает крупнейшими в мире запасами природного урана и остается ведущим его производителем. Для Китая, развивающего атомную энергетику и заинтересованного в надежных поставках сырья, казахстанские месторождения представляют особую ценность. Это дает Астане возможность вести переговоры с более сильных позиций и добиваться условий, выгодных для собственной экономики.

«Урановая отрасль — один из примеров, где Казахстан обладает значительными переговорными возможностями. Китайские уранодобывающие компании заинтересованы в месторождениях, которые позволяют добывать уран с относительно низкими издержками. При этом Казахстан создал правовые и коммерческие механизмы, позволяющие ему вести переговоры с единой, сильной позиции», — полагает исследователь.

Казахстанская сторона сохраняет контроль над стратегическими активами через национальную компанию «Казатомпром» и совместные предприятия с иностранными партнерами. Сотрудничество с китайской государственной корпорацией CGN предусматривает не только доступ к урановым месторождениям, но и развитие производства ядерного топлива в Казахстане.

Таким образом, речь идет не просто о поставках сырья, а о стремлении оставить внутри страны часть производственной цепочки.

«По сути, переговорная сила местной стороны определяется двумя факторами: наличием ресурса, в котором заинтересован внешний партнер, и возможностью не предоставлять доступ к этому ресурсу до тех пор, пока не будут согласованы определенные условия. В этом нет ничего принципиально нового. Я бы даже не стал рассматривать такой пример как свидетельство изменения поведения китайской стороны или связывать его с более масштабными геополитическими сдвигами», — говорит Яньлян Пань.

По мнению эксперта, учет местных требований — прежде всего прагматичный подход, а не свидетельство принципиальной перемены в поведении Китая.

«Китайские компании и другие участники сотрудничества, как и любые другие, заинтересованы в успешной реализации своих проектов. Отказ от прагматичного подхода и нежелание учитывать местные условия едва ли помогли бы им достичь собственных целей. Подобную готовность адаптироваться к местным реалиям можно наблюдать в самых разных странах, где работают китайские компании и организации», — отмечает исследователь.

Между Пекином, Москвой и Вашингтоном

На то, как Пекин выстраивает свое присутствие в регионе, влияют и отношения с другими крупными державами — прежде всего с Россией и США. Китай укрепляет позиции в Центральной Азии не только через торговлю и инвестиции. Все заметнее становится и сотрудничество в сфере безопасности — области, которую долгое время считали зоной влияния России. Привычная схема, согласно которой Москва отвечает за безопасность, а Пекин — за торговлю и инвестиции, уже не отражает всей сложности отношений, считает Умаров.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

Регион на перекрестке империй: взгляд историка на соперничество России и Китая в Центральной Азии

По его словам, интерес Китая к безопасности Центральной Азии возник не вчера и не стал следствием лишь недавних геополитических перемен. «Китай с самого начала был заинтересован в том, чтобы по вопросам безопасности находиться в согласии со странами Центральной Азии. Даже если в 1990-х и 2000-х годах его

активность в этой сфере была менее заметна по сравнению с российской, эти вопросы не откладывались в долгий ящик. Уже первые дипломатические встречи Китая со странами региона были сосредоточены на вопросах безопасности», — говорит Умаров.

Лидер Китая Си Цзиньпин приглашает президента России Владимира Путина присоединиться к нему после фотосессии на саммите Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в Тяньцзине. 1 сентября 2025 года

По мере расширения экономического присутствия Пекина росла и его заинтересованность в защите собственных граждан, инвестиций и инфраструктурных проектов. Поэтому усиление сотрудничества в сфере безопасности исследователь считает закономерным продолжением китайского присутствия в регионе, а не внезапным изменением курса.

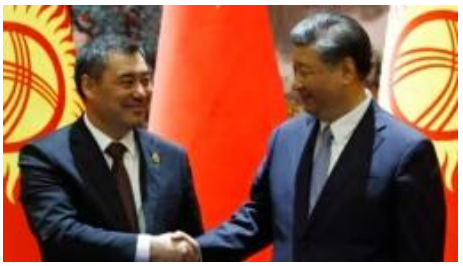

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

Соперничество за влияние в Центральной Азии: Китай и Россия станут непримиримыми врагами?

Однако расширение роли Пекина не обязательно означает, что Центральная Азия становится ареной прямого соперничества России и Китая. Умаров не считает, что Москва и Пекин воспринимают друг друга как противников в регионе. Скорее, по его оценке, их интересы во многом дополняют друг друга.

«Я не думаю, что это приведет к разногласиям между Россией и Китаем. Учитывая близость двух стран и то, что они все чаще сотрудничают по вопросам присутствия в Центральной Азии, они не рассматривают друг друга как противников. Скорее, воспринимают свои интересы как дополняющие друг друга, а не как конкурирующие за влияние в регионе», — отмечает Умаров.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

Не попасть в «долговую ловушку». Китайские мегапроекты снова в моде в беднейших странах Центральной Азии

Не видит эксперт и стремления Пекина жестко ограничивать внешнеполитические связи соседей: «Китай не ставит перед странами Центральной Азии жестких рамок и условий в том, как они выстраивают отношения с Западом. Он понимает объективную реальность: у него уже есть значительное присутствие в регионе. Западное присутствие либо не сопоставимо с китайским, либо, если оно будет расширяться, не сможет существовать в отрыве от этой реальности. С Китаем придется считаться, сосуществовать и даже иногда сотрудничать».

Но даже если Пекин не требует от стран региона выбирать между ним и Западом, соперничество крупнейших держав все равно может сужать пространство для маневра. Эван Фейгенбаум, вице-президент Фонда Карнеги за международный мир, убежден, что противостояние Вашингтона и Пекина уже не ограничивается военной сферой. Оно все сильнее затрагивает торговлю, инвестиции, технологии, движение капитала. Фейгенбаум называет этот процесс «секьюритизацией всего»: вопросы, которые прежде рассматривались преимущественно с экономической точки зрения, теперь все чаще оцениваются через призму национальной безопасности и соперничества двух держав.

Для Центральной Азии это означает, что привычная возможность поддерживать отношения с Китаем, Россией, США и другими партнерами может столкнуться с новыми ограничениями. Чем сильнее крупные державы связывают экономические и политические решения с вопросами безопасности, тем труднее странам региона сохранять свободу маневра.

В этой ситуации Фейгенбаум призывает центральноазиатские государства не сужать круг партнеров, а, напротив, расширять его. Он предлагает

математическую метафору для внешней политики региона: «Важны операции сложения и умножения, а не вычитания и деления». Центральной Азии, по его мнению, стоит не отказываться от одних партнеров ради других, а искать возможности развивать отношения с разными государствами одновременно.

Азаттык Азия

Азаттык Азия (Azattyq Asia) – русскоязычный отдел по Центральной Азии «Радио Свободная Европа/Радио Свобода» (Radio Free Europe/Radio Liberty, RFE/RL).

This item is part of

Казахстан | Центральная Азия | Темы дня | Кыргызстан | Таджикистан | Узбекистан | Туркменистан

Азаттык Азия © 2026 RFE/RL, Inc. | Все права защищены.